

Десять лет назад Юрий Марусин закончил Ленинградскую консерваторию. Срок для вокалиста не такой уж и большой. Там не менее нынче народный артист РСФСР, солист Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, победитель нескольких авторитетных международных конкурсов вокалистов Ю. М. Марусин заслуженно достиг высот славы. На него специально «ходят», как принято говорить у завязатых театралов. Голос Марусина, его артистизм и обаятельная сценическая внешность покоряют не только посетителей Кировского театра. После одного из ответственных выступлений в Италии, где певец тогда стажировался во всемирно известном театре «Ла Скала», газета «Корriere della sera» не смогла скрыть своего восторга: «Русский тенор Марусин обладает одним из прекраснейших голосов, который когда-либо удавалось услышать за последние двадцать лет... Надеемся, что и наши театры заметят его: тенора такого класса появляются далеко не каждый день на нашей все-таки богатой тенорами земле».

Так писали на родине великого Карузо. — Вы, Юрий Михайлович, многократно и подолгу бывали в Италии, стажировались, гастролировали, пели много сольных партий в «Ла Скала». Значит, владеете итальянским?

— Владею. Но и русским — тоже... Если серьезно, то любого нашего певца «поднимала на ноги» русская песня. Она — как бы некая совокупность популярной мелодии и классической. Русскую песню без голоса не споешь. Предполагает она, как обязательное, хорошие, настоящие голосовые данные. Великие наши композиторы — Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков — список тут может быть бесконечным! — обрабатывали, деляли русскую народную песню в своих ныне классических произведениях. Это — хлеб наш!

— Что-то мы, непоющие, потеряли вкус к этому «хлебу» — редко поем в дороге либо за праздничным столом, больше надеясь на магнитофон или радио. Да и там ее не часто услышишь...

— Вы правы: ее мало пропагандируют. Я специально давал несколько концертов (например, в Колонном зале Дома Союзов), составленных из русских песен.

— И как воспринимал их зал?

— Хорошо принимали: сердца-то и души у всех русские! Колоссальным получается эффект, когда русская песня воссоединяется с русским народным оркестром. Нет в мире ни одного оркестра, подобного нашему. Редчайшие, уникальные сами по себе инструменты, специфический тембр, звучание — и слияние с голосом, с русской песней... Хотелось бы, чтобы она звучала раздольнее. И это даже не долг, а честь, гражданская, артистическая честь каждого русского певца. Шаляпин и Собинов, Лемешев и Козловский — они по-своему вносили лепту в певческое искусство, в жизнестойкость нашей песни.

— Вы упомянули Лемешева. Один музыкальный критик описал вашу встречу с этим великим тенором. Сергей Яковлевич с удовольствием слушает ваши русские песни, потом просит спеть Ленского, а вы, мягко, но твердо: «В вашем присутствии, в присутствии лучшего Ленского, я просто не имею права петь эту арию...».

—...Я и сейчас такого же мнения: это великий певец. Не утверждаю, что нас с Сергеем Яковлевичем связывала большая, многолетняя дружба, как пишут некоторые критики, но он относился ко мне с большой теплотой. Я платил ему горячей взаимностью, даже преклонением. А теперь вернусь к нашей предыдущей теме. Мне говорят иногда: ты снова поешь те же песни, что пел Лемешев, поешь того же Чайковского, что пел... Далее называют, кроме Лемешева, еще не менее известные фамилии. Все вроде верно. Но я привношу в «это же самое» пение исключительно свое! Хуже, лучше, но свое! У каждого вокалиста свое мироощущение, своя, как говорим мы, фразировка. Ничто не стоит на месте. Вокальное искусство здесь не исключение: мы, наше поколение, поем, по-другому интерпретируя песню, иначе, чем другие, прикасаемся к звуку...

—...И если на современный проигрыватель поставить, скажем, пластинку с записью незабвенного Собинова — как он прозвучит?

— Гениально! Собиновский голос неповторим. Но... вокальное искусство, вернусь к своей мысли, сейчас выросло. Как в спорте: с годами усложняются «па» фигуристов на льду, тяжелеет рекордный вес штанги, растет высота планки... Сейчас и голосоведение другое, чем в собиновские, допустим, времена, выше техника пения, выше сама требовательность к вокалу и вокалисту.

— Кроме вас, больше никто из родных не поет?

— Жена — нет, сын растет музыкальным, дочь еще мала. Если говорить о семье, меня взрастившей, то там много пели. Отец — шахтер, играл на баяне, он мне и привил любовь к музыке, русской песне. Мой брат стал геоло-

ДОКЛАД ДЕСЯТЬ РУССКОЙ

гом. Сестры — одна зубной врач, другая горняк. Все люди как люди, а я вышел тенором... Вообще-то мечтал связать свою судьбу с медициной. Во время службы в армии — служил в Северо-Западном пограничном округе — увлекся художественной самодеятельностью. Меня пригласили, отправили в Ленинград, в военный ансамбль песни и пляски. Потом Консерватория...

— Мне долго не удавалось вас застать: в театре отвечали, что вы гастролируете за рубежом. Где на этот раз концертничали?

— В Китае. Когда узнал, что предстоит такой необычный гастрольный маршрут, улыбнулся: я, классический, оперный певец, еду в Азию. Ведь знаю: китайская музыка очень специфична, китайцы сложно воспринимают, усваивают нашу музыку, манеру пения. Национальная китайская опера в основном содержит элементы акробатики, мимики, пантомимы, лишь на последнем месте стоит пение... Пение у них, на наш вкус и взгляд, очень странное. Что же делать перед такими необычными гастрольями? И я решил — ничего. Не подстраиваться под вкусы своих будущих слушателей. Я сделал обычный, в двух отделениях, сольный концерт.

— Кроме вас, получается, никто не участвовал в поезде?

— Кроме меня, был еще один человек, с которым меня связывает десятилетие совместной работы, радостной, творческой, интересной. Это — концертмейстер Елена Константиновна Матусовская.

Продолжу рассказ о программе: первое отделение — исключительно русская музыка, Чайковский; второе — европейская классика, в основном на итальянском языке. То есть я решил показать: вот как я исполняю свою родную музыку и как могу изобразить, так сказать, итальянское бельканто.

— Без волнений наверняка не обошлось?

— Конечно. Китай — страна с древней музыкальной культурой, а китайцы очень музыкальный народ. Здесь, безусловно, много вокально одаренных людей. Сейчас они начинают делать первые шаги в европейском вокальном искусстве, несколько китайцев стали лауреатами международных конкурсов. Что же касается моих волнений... Наши товарищи из советского посольства перед началом гастролей волновались не

меньше моего. Предупреждали: у китайцев не принято аплодировать певцам. Перед своим первым концертом я убедился в этом. Пошел в китайскую национальную оперу. Шла «Принцесса зеленого пруда». По сюжету это напоминает всем нам известную «Царевну-лягушку». Очень красочное, яркое зрелище, хотя, как я уже говорил, пение там стоит не на первом месте. Вижу, что зрителям опера нравится. Однако оваций или обычного хлопанья в ладоши — нет. Готовлю себя. Успокаиваю: представишь, что ты в радиостудии. Там только микрофон и стены. Спел — и никаких тебе хлопков.

Все равно не проходит волнение. Выхожу впервые на китайскую сцену. Еще не запел, а зал зааплодировал... Отлегло от сердца.

— Прием, следовательно, был доброжелательным?

— Да, «потепление» в зале шло, как мне показалось, по нарастающей. Думаю, среди слушателей были любители пения, а возможно, и поющие. Зал с отличной акустикой. Я был в форме, и, как сказала мне концертмейстер и мой строгий судья Елена Константиновна, голос — звучал. Аплодировали после каждого исполнения. Примерно так же прошли выступления в Гуаньчжоу, Тяньцзине. Правда, физически было нелегко. За 14 дней 8 сольных концертов, учитывая переезды на далекие расстояния, смену климата...

— Успели повидать что-либо, кроме концертных залов?

— Много интересного. Знаменитую китайскую стену, древние императорские дворцы. Встречал всюду добродушные, интерес. Куда ни пойдешь, всюду спрашивают мою переводчицу: «Что он спросил? Что сказал? Чем заинтересовался?».

— Были ли встречи с китайскими певцами?

— Были. Меня пригласили в Пекинскую консерваторию. Это нечто новое на фоне современной культурной жизни КНР: консерватория, где ведется обучение не традиционному китайскому, а именно нашему — европейскому вокалу. Там меня очень заинтересованно расспрашивали. Знаете, китайцы — дотошный народ, я бы сказал — вездельный. Рассказывал им о нашей вокальной школе, о своей стажировке в Италии. Затем хозяева выразили желание продемонстрировать гостю свое искусство. Четыре молодых китайских тенора пели Шумана, Шуберта, Баха, Глюка, Пуччини. Должен сказать, что голоса у них совсем неплохие, хотя они только нащупывают дорогу к настоящему пению.

— Эти гастролы позади. А сегодня я вас оторвал от репетиции: партия Германа в «Пиковой даме». Эта партия — драматичная роль тенора, а вы вошли на профессиональную оперную сцену как тенор лирический...

— Так уж получилось, что голос у меня оказался сейчас наиболее «дорогим»: лирико-драматический тенор. Германа, если вы знаете, я репетировал сейчас не впервые, однако есть ли в искусстве предел совершенства? К этой, одной из труднейших в вокальном смысле партии, исполнить которую мечтает каждый тенор, шел долго. Через сольные партии в «Мадам Баттерфляй», «Дон Карлосе», «Тоске» — это все тоже непросто, оперные вещи. В новом году надеюсь продемонстрировать ленинградцам «своего» Германа — уже как бы с новым багажом, с новыми определенными качествами. Какими? Судить не мне.

— Не уйти от традиционного вопроса о ваших творческих планах.

— Они во многом продиктованы «производительной необходимостью». Может, будет Лозенгри Вагнера, может, партия в опере «Сила судьбы» — еще не уяснен будущий репертуар нашего театра. А я — человек обязательный. Скажут: Юрий Михайлович, надо в соответствии с репертуарным планом театра спеть... И далее прозвучит название оперы. Как бывший пограничник, военный, я по сию пору дисциплинирован — так мне кажется во всяком случае. А что лично самому хочется — об этом уже вам сказал. Записаться бы на пластинку с русским народным оркестром! С русской народной песней!

Беседу вел В. НЕСТЕРЕНКО

Фото Ю. Щенникова